

ГЛАВА I ФАНШЕТТА

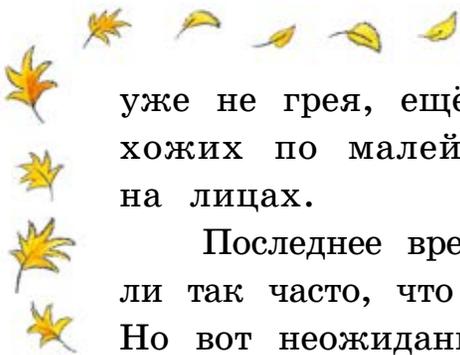
В то утро Париж проснулся под безоблачным небом, таким чистым, такой устойчивой синевы, что казалось, оно бросает вызов наступающей осени. Однако вдоль набережных золотым дождём падали листья, а Сена, лениво перекатывая свои воды, слегка покачивала невесомые флотилии, слетавшие на неё с деревьев при каждом порыве ветра.

— Это и есть остров Ситё? — робко спросила высокая бледная девочка, идущая к реке.

— Вот он, как раз напротив. А Дворец правосудия — вон там, — равнодушно ответила женщина в сером костюме, которая сопровождала эту белокурую девочку. — Погляди на тот берег, правее моста...

Ещё оставалось от лета нечто неуловимое, что никак не хотело умирать этим ясным утром. Надежда на тёплые дни как бы цеплялась за последние листья, а сами эти листья ещё цепко держались за ветви деревьев.

Должно быть, именно поэтому так храбро чирикали легкомысленные воробьи, и солнечные лучи,

уже не грея, ещё сверкали, как золотые, а у прохожих по малейшему поводу расцветали улыбки на лицах.

Последнее время дождливые, туманные дни стояли так часто, что все примирились с хмурой погодой. Но вот неожиданно опять начинался праздник. Под таким небом и в самом деле можно забыть о том, что близка зима. Щедрый солнечный свет был дорог всем, как подарок, которого совсем не ждали.

— Дворец правосудия — он на самом углу, перед замком, да, мадам? — продолжала девочка, помолчав немного.

— Да. Чёрный фасад с башенками — это Консьержери. Там во время революции сидела в тюрьме королева Мария-Антуанетта*. Осторожно! Стой!.. Ну, теперь зажётся зелёный свет — можно переходить. Не сходи с пешеходной дорожки.

Они перешли улицу. Девочка шла молча, чуть-чуть волоча ноги, как будто ей хотелось помедлить, и её печальная детская фигурка привлекала удивлённые взгляды прохожих.

«Дворец правосудия... Правосудие... Тюрьма...» Обрывки недавнего разговора в бешеном вихре кружились под лохматыми прядями волос, обрамлявшими тоненькое лицо. «Тюрьма... правосудие... судья... Ох уж этот судья, который сажает в тюрьму!»

* Мария-Антуанетта — французская королева, казнённая во время французской буржуазной революции конца XVIII века.

На бледных, без кровинки, щеках девочки вспыхнул румянец. Может быть, сегодня вечером она, Мари-Франс Денвиль, по прозвищу Фаншетта, попадёт в тюрьму. Как королева. Только, конечно, её темница не будет такой красивой. Наверно, темниц очень много в тех огромных зданиях, которые так быстро бежали им навстречу.

Сердце Фаншетты билось сильно, до боли — ведь через несколько минут она предстанет перед судьёй по делам несовершеннолетних трибунала департамента Сены.

Вдруг она остановилась:

— Какие же они милые!

Приоткрыв рот, девочка застыла перед клеткой, окружённой ещё десятком клеток, из которых раздавались самые удивительные звуки. На прилавке продавца животных случай поселил бок о бок голубых попугаев и белую крысу, пару голубков и зайчарусака, трёх водяных черепах и зелёного попугая с сердитым взглядом. И все они тоже были за решёткой... Больше всего Фаншетте понравилась маленькая обезьянка, которая просунула сквозь решётку крошечные волосатые и мозолистые руки, стараясь украдкой поймать блоху в хвосте своей соседки, пышной белки.

— Мари-Франс! Да что ты! Такая взрослая девочка... И в такой день!

Фаншетта не привыкла, чтобы её так называли, и каждый раз ей казалось, что Мари-Франс — это

не она, а, может быть, её сестра. Не говоря ни слова, она побежала вдогонку за женщиной, которой было поручено отвести её в суд. И тут-то она заметила, что у дамы в сером костюме — чёрная шляпа и каблуки, похожие на катушки. При других обстоятельствах такие каблуки показались бы Фаншетте очень смешными. Но в это утро у неё было слишком тяжело на сердце, чтобы какие-то каблуки катушками могли надолго занять её внимание.

Цветочный рынок у моста О'Шанж, ослепительными волнами спускавшийся к самому тротуару, снова отвлек девочку от тяжёлых мыслей. Никогда

ещё Фаншетте не приходилось видеть сразу столько зелёных растений, герани, хризантем, гвоздик! И много ещё других, неизвестных цветов с восхищением разглядывала она своими серыми глазами. Глаза у Фаншетты были большие, серо-зелёные, цвета морских ракушек; когда она задумывалась, что-то очень ласковое появлялось в её взгляде; в такие минуты казалось, что эта маленькая девочка думает о чём-то очень далёком...

— Слушай-ка, Мари-Франс, ты что, на прогулке, что ли?

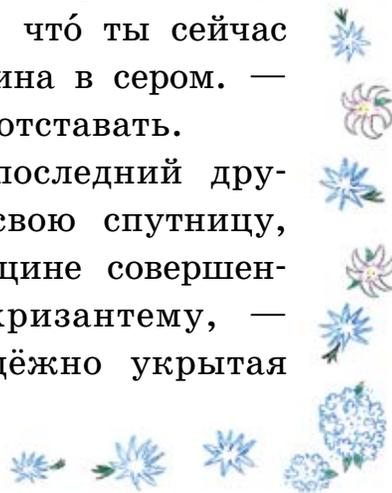
Фаншетта снова отстала от своей спутницы. Наклоняясь над цветочным горшком, упавшим в сточный жёлоб, она с тысячью предосторожностей старалась высвободить стебель хризантемы, зажатой колесом стоявшего рядом велосипеда.

На этот раз девочка запротестовала:

— Если я не подниму цветок, мадам, велосипед обязательно сломает ему шею.

— Не шею, а стебель. И вообще, нечего вмешиваться в дела продавцов! Никто тебя не просит. Глупая девчонка! Ты бы лучше подумала, что ты сейчас скажешь судье, — сухо сказала женщина в сером. — Иди сюда и постарайся больше не отставать.

Фаншетта послушалась, бросив последний дружеский взгляд на цветок. Догоняя свою спутницу, девочка думала о том, что этой женщине совершенно всё равно, какая судьба ждёт хризантему, — лишь бы её собственная голова, надёжно укрытая

чёрной шляпой, не подвергаясь никакому риску, крепко держалась на плечах... И всё-таки Фаншетта немного завидовала даме в сером: для неё тюрьма была только конечным пунктом пути, по которому ей часто приходилось ходить из Управления по делам безнадзорных детей. Вот и сегодня она вела от туда маленькую преступницу.

8 Что же касается судьи... Девочке хотелось только одного: не думать о нём, не чувствовать нарастающую с каждым шагом тревогу. Наверно, судья, как и эта женщина, — из тех людей, «которые не понимают»... Всё человечество делилось для Фаншетты на две части, причём ни возраст, ни положение в обществе не принимались в расчёт. Были, во-первых, «те, кто понимают»: с этими людьми жилось хорошо, если даже они и встречались на твоём пути случайно и ненадолго. Весь остальной мир состоял из «людей, которые не понимают»: этим, право же, не стоит и пытаться объяснить то, что делается у тебя в голове или в сердце. Мудрость заключается в том, чтобы жить, причиняя им как можно меньше беспокойства, стараясь, чтобы они забыли о твоём существовании. Только тогда они, может быть, оставят тебя в покое.

Так рассуждала Фаншетта, и мужество покидало её с каждым шагом. А небо, ослепительно-синее, несло людям надежду, и чайки, кружа каруселью, пронзительными криками приветствовали неожиданно вернувшуюся небесную синеву.

Как только Фаншетта очутилась перед Дворцом правосудия, как только осталась позади монументальная позолоченная решётка ограды, девочка заметила, что у неё вспотели руки. Она почувствовала, что если сейчас же, сию минуту, не сядет, то непременно упадёт — всё равно где: здесь, посреди двора, или на ступеньках, ведущих к дверям. Ноги её словно вдруг стали ватными и отказывались служить.

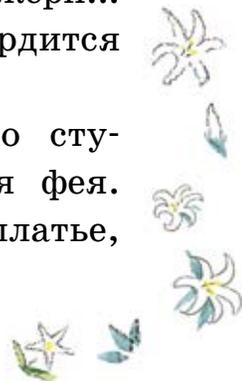
— Мадам... — прошептала она очень тихо, и капли пота выступили на её смертельно бледном лице. — Мадам...

Но дама в сером не услышала её слишком тихого голоса, она торопилась скорее пройти в контору, сдать документы.

И Фаншетта осталась стоять неподвижно, одна, жалкая, потерянная, точно вся тяжесть человеческого горя легла на её плечи. Ещё никогда не чувствовала она себя такой ужасно одинокой, как в шумной толпе, которая суетилась вокруг, не замечая её.

«Я не смогу разыскать судью... Это ужасно! Он подумает, что я не хочу идти к нему, и стража схватит меня и бросит в темницу Консьержери... Господи! А дама в сером очень, очень рассердится и сейчас же напишет рапорт...»

Но дама в сером не появлялась, зато со ступенек крыльца к Фаншетте спустилась добрая фея. Эта добрая фея носила чёрное адвокатское платье,

и у неё были коротко подстриженные, как у мальчишки, волосы. Она подошла к Фаншетте и, улыбаясь, поглядела на неё ласково и встревоженно:

— Что с тобой, девочка? Вот уже несколько минут, как я за тобой наблюдаю... Ты, наверно, плохо себя почувствовала? Хочешь, я отведу тебя к швейцару?

— Нет-нет!.. Спасибо, мадемуазель, сейчас пройдёт... Мне уже... мне уже гораздо лучше, — уверяла Фаншетта, действительно успокаиваясь под внимательным, дружелюбным взглядом карих глаз, пристально на неё глядевших.

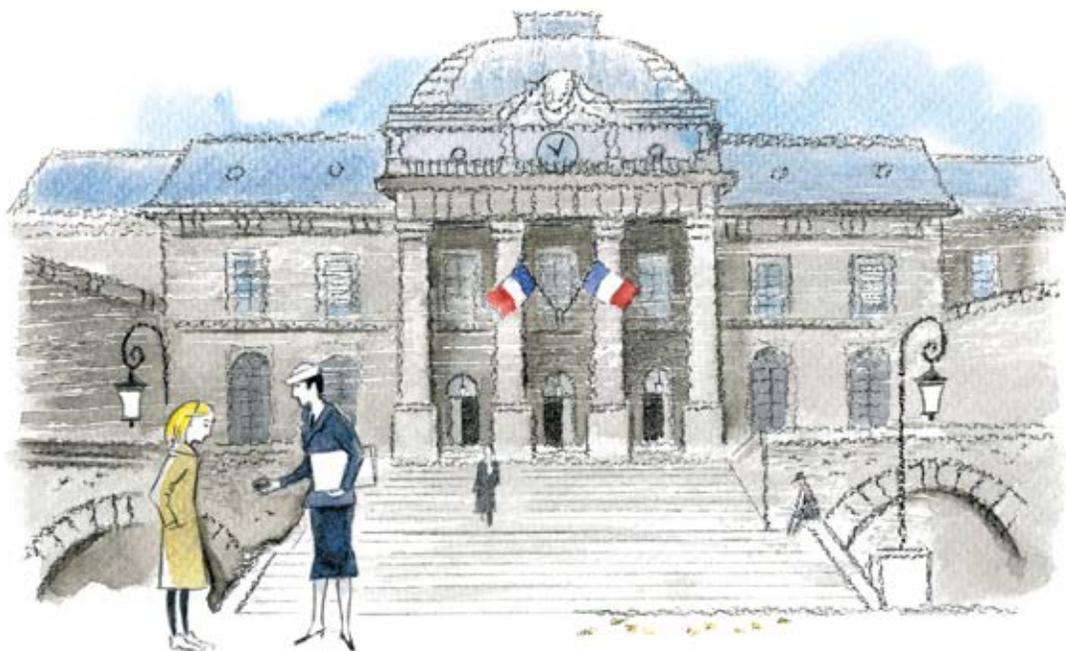
Карие глаза заглянули в серые глаза девочки, словно желая передать ей частицу своей собственной жизненной силы. Этот молодой адвокат, конечно, из тех, «кто понимает», это точно!

10

— Вот возьми, съешь драже. Забирай себе всю коробочку, — продолжала женщина. — Даже если ты их не любишь, всё равно съешь-ка целую пригоршню. Они очень помогают. Ты почувствуешь себя бодрее и телом и душой... До свидания, девочка! Мне кажется, тебя разыскивает дама в сером...

Добрая фея умчалась, неся свои папки под мышкой, а Фаншетта, немного успокоенная, подошла к даме в сером, у которой с каждой минутой всё больше и больше портилось настроение.

— Куда же ты опять пропала? Почему ты не пошла за мной? А ещё кажешься такой тихоней!..

Я теперь не удивляюсь, что ты три раза пыталась убежать. Ну, будем надеяться, судья сумеет наказать тебя так, чтобы отбить охоту к рецидиву...

«Рецидив... Я — рецидивистка... Это правда! Мне столько об этом твердили, и все на свете уже это знают. Наверно, из всех дел, какие здесь будут сегодня утром рассматривать, моё дело самое ужасное...»

Так с глубокой горечью думала девочка, в то время как спутница увлекала её к лестнице, ведущей в самые недра Дворца правосудия.

— Сядь здесь. И главное, не двигайся с места, пока тебя не позовут.

Не совсем понимая, как это произошло, Фаншетта очутилась в глубине тёмного подвала, где